

Анна Шнайдер
Я тебя не хочу

«Литнет»

2022

Шнайдер А.

Я тебя не хочу / А. Шнайдер — «Литнет», 2022

Думаете, друзья познаются в беде? Как бы не так! Друзья познаются в браке. А ведь всё так хорошо начиналось! Взаимовыгодный фиктивный брак по договорённости друг с другом (читай - друга с подругой), и все довольны и счастливы, даже родители. Но оказалось, что штамп в паспорте способен изменить не только любовь, но и дружбу...История Ксюши - «Лабиринты наших желаний».

© Шнайдер А., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	12
5	16
6	19
7	22
8	24
9	26
10	28
11	31
12	33
13	35
14	38
15	39
16	41
17	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

1

Говорят, когда парень и девушка дружат, один из них обязательно влюблён в другого. И мне много раз заявляли подобное, при этом хитренько посматривая исподлобья: признавайся, мол. Ага, щаз! Влюблена я, как же.

Разве можно влюбиться в человека, который при встрече подходит — даже подкрадывается! — к тебе сзади и хлопает тебя по ушам?! Не сильно, но вполне достаточно для того, чтобы взвизгнуть и взвиться до потолка.

Нет, конечно, настолько обнаглел Сашка не сразу, а примерно через полгода после нашего знакомства и совместного сидения за одной партой. Я пыталась избавить его от этой дурацкой привычки, даже разок заехала кулаком в глаз, но он только усовершенствовал свои навыки стучания по ушам — начал отпрыгивать в сторону или приседать, раздражая меня этим неимоверно.

Вот и как тут влюбиться? Никак. Любовь начинается с головы, а когда тебя по ней хлопают, то она умирает, даже не начавшись.

Ну и хорошо. Я представляю, что бы со мной было, если бы я любила Сашку. Он хороший парень, но бабник страшный.

А ещё я однажды — конечно, не совсем трезвая, — спросила его, почему он из девушек дружит только со мной. На что получила исчерпывающий и очень точный ответ: «Просто я тебя не хочу».

Я тогда даже обиделась. Ну так, немножко. В сущности, на что обижаться? Я ведь тоже его не хочу.

Если только... совсем чуть-чуть.

В то утро Ленка опять спрятала мои очки, заставив в очередной раз ощутить себя каким-то китайским болванчиком, на которого всем наплевать.

Сестрице моей уже тринадцать — вполне сознательный возраст. Я в её годы запоем читала Толстого с Достоевским, смотрела передачи про историю и сочиняла глубокомысленные стихи и рассказы. А Ленка ничего не сочиняет и не читает, а смотрит только «Дом 2» и какие-то дурацкие видосики в соцсетях. Но я бы ей всё прощала, если бы любимым развлечением у неё последние года два не стал аттракцион «доведи Стасю до белого каления и кругов в глазах».

Я даже родителей подключала к этой проблеме, но там всё понятно. Они настолько любят её — поздний ребёнок всё-таки — и так забаловали, что уже абсолютно не способны воспитывать. Ленка их не слушается. Она и меня не слушается. Ребёнок вырос, понял, что ему ничего не грозит — и начал этим пользоваться.

Ситуацию усложняло то, что я нигде не могла запереться от сестры, если не считать туалета. Мы жили в одной комнате, и соответственно, у этого чертёнка с ангельским лицом был полный доступ к моим вещам.

Спрятать очки — любимое развлечение. Ещё из любимых — побрызгать моё бельё папиной туалетной водой, засунуть в комод живую мышь, бесконечно переставлять книги на полках, чтобы я не могла их найти. Но к этому я уже почти привыкла.

Хуже всего было, во-первых, то, что Ленка постоянно выключала будильник на моём мобильном телефоне, как только я засыпала. Я пробовала прятать, но спрятанный будильник автоматически равен будильнику неслышанному. Спасибо моим встроенным биологическим часам, иначе меня давно уволили бы с работы.

А во-вторых... В этом году сестра вдруг поняла, что хорошими делами прославиться нельзя, а вот видосиками — можно. И теперь она снимает всё подряд, в том числе и орущую в ярости меня, а потом выкладывает в интернет.

Попытки поговорить с родителями опять ни к чему не привели. Леночка хорошая, а я демон в очках, который не понимает, что у ребёнка просто так проявляется переходный возраст. «Наша девочка это перерастёт», — сказала мама, умильно улыбаясь, а папа согласно закивал.

Я бы переехала. Честное слово, сняла квартиру и переехала бы, но...

Вы знаете, сколько стоит снять квартиру в Москве? Ладно, бог с ней, с квартирой, хотя бы комнату. Это как минимум половина моей зарплаты. Половина! И что дальше? Жить впроголодь, всю жизнь переезжать из одной клетки в другую? Нет уж. Я решила — буду терпеть, пока не кончится терпение, и копить на ипотеку.

Вот только терпение уже кончалось, а до ипотеки было ещё очень и очень далеко...

2

На этот раз очки добрая Леночка выкинула в мусорное ведро, и я искала их адски долго. Ну как обидно! У меня ведь есть запасные на работе, но накануне я их разбила, а эта мелкая обезьянка будто почувствовала.

Поэтому в офис я явилась к половине одиннадцатого. И, по закону подлости, обнаружила, что шеф уже на месте — его машина красовалась на стоянке, как обычно чистенькая и красивая до безобразия.

— Стась, тебя Михаил Евгеньич просил зайти, как придёшь, — сообщила мне Маша, секретарь шефа, делая большие глаза. Ясно, значит, у нашего великого и ужасного господина Шульца сегодня плохое настроение. И сейчас он будет меня склонять и спрягать.

— Угу, — буркнула я. — Ща, только в туалет схожу. Всё равно терять уже нечего.

Маша понимающе и немного сочувственно улыбнулась.

Михаил Евгеньевич, наш обожаемый генеральный директор, был человеком настроения. И если орал, то очень вдохновенно, а уж если расстраивался, то до нервного тика. У сотрудников, конечно.

Но были в этом и положительные моменты — шеф у нас отходчивый. Поорёт, вывалит на тебя свой негатив, а через полчаса приходит довольный и счастливый, как будто у него все враги внезапно скоростижно скончались. Жаль только, мне не удаётся так быстро остывать. Впрочем, я и не особенно нагреваюсь... Иначе давно бы уволилась.

Так уж получилось, что я, закончив институт, решила поменять работу и устроилась сюда на должность заведующего редакцией. Никакой редакции тогда не было и заведовать оказалось нечем, но меня в то время подобные мелочи не волновали. Зарплата была больше, чем на моей прошлой работе, да ещё и в два раза, а остальное... прорвёмся, как говорится.

Первые три месяца я пыталась привыкнуть к характеру Шульца, как постепенно привыкаешь к жмущим тебе туфлям. А потом, когда привыкла, даже начала его немножко любить. Характер, не Шульца, конечно. Но и ненавидеть тоже. Михаил Евгеньевич, как человек крайностей, то восхищал, то бесил до невозможности.

Восхищал, например, необыкновенным чутьём на людей. Он видел нового сотрудника — и сразу понимал, будет тот работать или станет пинать балду на рабочем месте. Так и со мной, наверное. Увидел, побеседовал и взял на работу. И плевать, что опыта у меня в то время особо не было. Зато был голый энтузиазм, на котором я и держусь последние четыре года, что работаю у Шульца.

— Стася, — процедил шеф, как только я вошла в его кабинет, — у нас рабочий день начинается не с петухами. Ты почему опаздываешь?

— Простите, Михаил Евгеньич, — я изобразила на лице раскаяние. — Больше не повторится.

— Надеюсь, — Шульц чуть смягчился. — Я ведь говорил, что сегодня придёт новый начальник отдела продаж, собирался его познакомить с редакцией.

«С редакцией». Ну ты даёшь, отец родной. Как я люблю это слово. Вся редакция — три калеки. Я, дизайнер и верстальщик. Есть, конечно, внештатники, но они не считаются.

— Да, Михаил Евгеньич, — произнесла я покаянно. — Я помню. Простите, непредвиденные обстоятельства.

Да уж... Скорее, непредсказуемые. Предвидеть-то эти обстоятельства можно, но предсказать — нет.

— Хорошо, — Шульц окончательно остыл. Ух ты, мой зайка. За это я тебя и люблю, гада такого. — Пойдём. Остальных представил уже, осталось только тебя показать.

Я глубокомысленно кивнула.

Показывай, показывай, отец родной. Давай сделаем вид, что я здесь что-то решаю. Хотя на самом деле ты вполне можешь говорить каждый день вместо завтрака, обеда и ужина: «Мы подумали, и я решил».

Издательство у нас не очень большое, хотя это смотря с чем сравнивать. Собственно редакция, как я уже сказала — три человека. Все остальные — внештатники, сидящие на моей шее и не слезающие с неё четвёртый год.

Зато в отделе продаж у нас пять менеджеров, если не считать начальника отдела, коего Шульц три недели искал, всё отменяя и отменяя кандидатуры. Наконец, нашёл, причём встретился он с этим персонажем не здесь, на своей территории, а ездил куда-то в центр, в ресторан, наверное. На следующий день пришёл жутко довольный и сообщил, что скоро явится новый человек. Я кивнула. На начальника отдела продаж мне всегда было фиолетово, честно говоря.

Я считаю, что хороший продажник должен уметь продавать всё. Мы же умеем делать из какашек книжки! Увы, жаль, что сами продажники чаще всего так не считают, и если у них что-то не продаётся, значит, виновата редакция. Ну а кто же ещё?

Да и в целом, как на том демотиваторе — в любой непонятной ситуации виновата редакция. А так как у нас редакция — это по сути я, следовательно, виновата я. Вот почему я всегда была в контрах с начальниками отдела продаж (за четыре года Шульц их сгнобил в количестве трёх штук) — они пытались обвинить в собственных проколах меня, а я отбивалась с отчаянием мухи, попавшей в банку. Но судя по тому, что я до сих пор здесь, а они уже нет, я — прекрасная иллюстрация к фразе «Все умрут, а я останусь».

В общем, предстоящее знакомство меня не радовало и не впечатляло. Продажником больше, продажником меньше — какая разница? Хотя был у нас один такой, решивший, что пишет аннотации к книгам лучше меня. Единственный человек, кто сумел вывести меня из себя за четыре года работы. Я его за это даже зауважала...

Между тем шеф привёл меня к комнате, где сидел весь отдел продаж. В том числе и начальник. Шульц всегда считал, что нечего отрываться от коллектива, поэтому никому по отдельным кабинетам сидеть не разрешал. Конечно, кроме себя.

И вот, Михаил Евгеньевич открыл дверь, пропустил меня вперёд, потом зашёл сам.

Я остолбенела, хлопая глазами, почти как рыба ртом. А этот... нахал и наглец вставал со своего места с хитрющей-прехитрющей улыбкой во всю физиономию.

— Знакомся, Станислава. — Шеф, как обычно бывало в подобных ситуациях, начал называть меня полным именем. — Это Александр Лебедев, наш новый начальник отдела продаж. Александр, это Станислава Орлова, наш главный редактор.

Сашка слегка удивился. Ну да, Шульц всегда называл меня главным редактором, хотя в трудовой книжке у меня была запись «заведующая редакцией». Впрочем, это без разницы. Хоть заведующая редакцией, хоть ведущий редактор, хоть выпускающий, хоть младший — неважно. Я всё равно была одна за всех.

— Очень приятно, — сказала я, улыбаясь улыбкой людоеда. — Александр.

— Мне тоже, — Сашкина улыбка, наоборот, лучилась довольством. — Станислава.

Минуты три Шульц болтал о том, как важно нашим отделам сотрудничать и вообще жить дружно, а потом ушёл, оставив нас... ну, почти наедине. Если не считать остальных менеджеров.

— А пойдёмте-ка в переговорную... Александр, — почти пропела я, глядя в наглые глаза своего однокурсника и друга. — Обсудим там... стратегию и тактику.

— Пойдёмте, Станислава, — согласился он и указал мне на дверь — мол, после вас. Я еле слышно фыркнула и вышла в коридор.

3

— Ты чего мне не рассказал-то? — спросила я, когда мы с Сашкой с комфортом разместились в нашей маленькой переговорной.

— Сюрприз хотел сделать, ну и заодно увидеть твою мордашку. Оно того стоило, Стась. Хотя могла бы поэмоциональнее!

— При Шульце? — я фыркнула. — Нет уж, мне ещё жизнь дорога. А почему ты решил сбежать к нам? Неужели шеф тебе лучшую зарплату положил?

— Не лучшую, — Сашка презрительно усмехнулся. — Достали меня. Сама знаешь, каково работать в гигантских издательствах. Ну и должность Шульц мне повыше предложил.

— Это я уже поняла. Ну что ж, добро пожаловать.

— Спасибо. После работы ходим в кафешку? Давно не виделись.

— Ходим, — я кивнула, а потом добавила, грозно сдвинув брови: — Только учти: если ты хоть раз хлопнешь меня по ушам НА РАБОТЕ, я тебе...

— Понял-понял, — Сашка заржал и примирительно поднял руки. — Никогда и ни за что, клянусь своим красным дипломом.

— Нашёл чем клясться, — я хмыкнула. — Ты ещё своей девственностью поклянись. Это примерно так же актуально.

— Язва ты, Стаська.

— Угу. Прободная.

Мы с Сашкой познакомились на первом курсе института. И первого сентября.

Тогда ещё почти никто никого не знал, и мы рассаживались в большой аудитории, дабы услышать напутственное слово декана факультета и получить студенческие билеты.

Я села сбоку, в уголок, и не прошло и пяти минут, как слева от меня — справа была стена — плюхнулся Сашка. Внимательно осмотрел мою в прямом смысле скромную персону, усмехнулся и сказал:

— Привет. Я Сашка Лебедев из второй группы. А тебя как зовут?

— Привет. Стася Орлова. Я тоже из второй.

— Ого! — он засмеялся. — И у тебя птичья фамилия! Забавно. Не против, если я с тобой посижу?

На мой взгляд, спрашивать об этом было поздновато — он всё-таки уже сел. Но я кивнула.

— Не против.

Конечно, мы не сразу подружились. Просто Сашка стал садиться рядом со мной с завидной регулярностью, мы разговаривали, обсуждали что-то, ржали над чем-то. Наверное, я бы в него влюбилась, как многие другие однокурсницы, но я в то время уже была влюблена в другого человека, и очень сильно. Поэтому Сашку воспринимала исключительно как друга.

Не могу сказать, что мы были как-то особенно дружны... месяцев, наверное, семь. Просто постоянно общались. Я была заучкой, Лебедев, хоть и умён, ленив до безобразия, поэтому общение со мной было ему не только приятно, но и полезно — всегда имелась возможность что-нибудь списать.

А потом случилось вот что.

Институт у нас своеобразный — есть очень людные места, а есть не очень. И однажды по дороге домой я решила заскочить в не особенно популярный общественный туалет. Зашла, закрылась, сделала свои дела и уже собиралась уходить, как вдруг услышала:

— Ну что он в ней нашёл, Катя?! Я не понимаю!

Голос я узнала сразу. Это была одна из моих однокурсниц, Оксана Ржевская, учившаяся в параллельной группе. Очень красивая, но не особенно умная девушка.

— На лекциях с ней сидит, в коридоре с ней стоит. Вчера я видела, как они домой вместе шли. Объясни мне! Неуклюжая очкастая мышь!!

Тут меня первый раз кольнуло. Очкастая мышь, да-а-а... Так меня ещё одноклассники называли. За довольно-таки бледную кожу и в целом невзрачный вид.

А в то время я ещё хуже выглядела — всё-таки семнадцать лет, почти подросток. У меня тогда груди даже толком не было, так, два прыща. Помажешь зелёнкой — пройдут.

Это теперь я выросла и стала похожа на женщину. Но красотой я всё равно никогда не блистала и блистать не буду. И не могу сказать, что это вызывает во мне чувство досады или сожаления — нет. Каждому своё. Кому — ум, а кому — красота. И даже если бы мне дали возможность получить немного больше красоты в обмен на ум, я бы не согласилась. Ну уж нет! Красота увядает, а ум на всю жизнь с тобой остаётся.

Но я отвлеклась.

— Понятия не имею, — говорила вторая девушка, и на сей раз голос оказался мне не знаком. — Думаешь, Лебедев с Орловой... спит?

Я вздрогнула и чуть не уронила сумку. Чёрт! Подслушивать в принципе занятие сомнительное, а уж когда речь о тебе...

Но как они могли подумать, что Сашка со мной спит? Мы ведь даже за руки ни разу не держались!

— Не знаю я, — фыркнула Ржевская. — Но что-то же он в ней нашёл, раз постоянно рядом торчит! Бесит...

В этот момент девчонки, по-видимому, вымыв руки, вышли из туалета. И я тоже вскоре вышла оттуда, хотя, скорее, вывалилась. И почти побежала в сквер возле нашего института. Там села на скамейку и тихонько расплакалась.

Но не успела я полностью погрузиться в своё горе, как рядом кто-то сел.

— Стась, ты чего? — растерянно спросил Сашка, похлопав меня по спине.

— Ты как здесь оказался? — буркнула я, отводя глаза. И так страшная, а заплаканная — ещё страшнее.

— Да я вышел из института — и тут ты идёшь. Я тебя даже звал, но ты так припустила... А теперь чего-то плачешь. Обидел кто?

Я поколебалась, но всё же сказала:

— Разговор я в туалете один подслушала. Две девушки задавали друг другу риторические вопросы о том, что ты во мне нашёл.

Тут я посмотрела на Сашку. У него вытянулось лицо.

— Э-э-э...

— Ну и? Что ты во мне нашёл? Давай, рассказывай.

— Я что-то ничего не понял, Стась... Подробности можно?

Я, вздохнув, поведала о подслушанном в подробностях. Всклипнула, рассказывая про неуклюжую очкастую мышь, и Сашка посуровел.

— Слушай, Стась, — сказал он строго, когда я закончила. — Ты же умная, а плачешь из-за каких-то дур. Что они понимают вообще? Друзей по внешности, что ли, выбирают? Да мне пофиг, как ты выглядишь! А эта Оксана... достала, честно. Клеется, как будто у неё течка. А у меня вообще... девушка есть.

— Да? — я удивилась. — Из нашего вуза?

— Нет. Одноклассница моя.

— А-а-а...

Прошло две недели и эта самая одноклассница Сашку бросила. Он пришёл на занятия хмурый и злой, огрызался, и даже я не выдержала — треснула ему по голове учебником.

А вечером мы впервые пошли с ним в бар. Пить. Он пил и изливал мне душу, я внимала, глубокомысленно кивая. И как-то так получилось, что пил вроде Сашка, а рвало потом меня... Возле автобусной остановки, в аппетитный такой зелёный газончик. И Лебедев в процессе одной рукой поддерживал меня за талию, другой поднимал волосы, чтобы они не испачкались, и повторял без конца пьяным голосом:

— Я же тебе говорил — закусывать надо нормально... А ты — не хочу, да орешки, орешки... Ты чего, белочка, что ли? Пить не умеешь, а туда же...

Он потом мне этот случай все пять лет учёбы напоминал, называя белочкой. И ржал.

Но никому не рассказал, как лучшая студентка курса, напившись всего-то литром пива, самозабвенно блевала на остановке.

4

— Ну что, пошли?

Я подняла тяжёлую голову от очередной гениальной рукописи. Посмотрела на счастливого Сашку.

Он всегда был весёлый и всем довольный, по крайней мере с виду. И одевался жизнерадостно — в яркие футболки и рубашки. Наверное, я рядом с ним смотрелась совсем уж траурно — никогда не любила яркую одежду, чувствовала в ней себя попугаем. Нет, одно только чёрное я тоже не носила, просто любила спокойные оттенки.

Вот и сейчас, в ярко-голубых джинсах и пронзительно-зелёной футболке, Сашка выглядел очень жизнерадостно. И привлекательно, наверное. Он в принципе красивый — волосы светло-русые, с лёгкой рыжиной, глаза серо-зелёные, высокий лоб, ровный аристократический нос, ямочка на подбородке совершенно очаровательная. И губы... да. И меня иногда торкало, когда я смотрела на них. Особенно если выпить.

— Пошли, — кивнула я, вставая с места. Дизайнер и верстальщик глядели в это время на меня с лёгким удивлением. Ну да, они привыкли, что с продавцами у меня вооружённый нейтралитет. А тут вдруг — «пошли» и конец рабочего дня. Нонсенс!

Надо будет завтра им рассказать про нас с Сашкой. А то ещё удумают чего...

Мы с Лебедевым отправились в кафешку неподалёку, оживлённо болтая о всяких глупостях. И то напряжение, которое охватывало меня последние месяцы, пока Ленка особенно лютовала, вдруг отступило, словно Сашка отогнал его своей улыбкой.

— Ты что будешь? — спросил он, раскрывая меню. — Может, по пиву?

Пиво Лебедев обожал. Он меня к нему и прирастил, самозабвенно вещая о сортах и особенностях, учил отличать хорошее от плохого, разбавленное от неразбавленного. Причём удивительно, но ни с кем другим я пиво пить не могла вообще — чего-то не хватало. А вот с Сашкой — всегда пожалуйста.

— Угу, давай пиво. Но я вообще от еды тоже не отказалась бы.

— Правильно, — он хмыкнул. — Закусывать надо, белочка. Пицца? Чего-то мне хочется такого... вредненького. Пицца самое то.

— Ладно, — согласилась я. И добавила к пицце салат «цезарь». Кому как, но по мне, пицца — не еда всё же. От неё только в животе плотно.

Принесли пиво. Сашке тёмное, мне светлое нефilterованное. Оно было так себе, но лучше, чем могло бы быть. И холодненькое... Мням. Лучше холодного пива в жаркий июльский день — только ледяное мороженое.

— Слушай, Стась, — сказал Лебедев, сделав глоток своего тёмного, — я сегодня посмотрел-послушал, а теперь думаю: чего ты не уйдёшь от Шульца? Маловато он тебе платит за такие нагрузки.

— Привычка вторая натура. А если серьёзно, то в другом месте нагрузки будут не меньше, плюс ещё притираться придётся какое-то время. Я шефа знаю, как облупленного, умею с ним обращаться и добиваться своего. Перейду на другую работу, пока разберусь там, век пройдёт. Да и ехать мне сюда от дома сорок минут всего, а до твоей бывшей работы — полтора часа. Три часа в день получится. Я так через полгода все эти лишние деньги на реабилитацию свою потрачу...

— Вот и я так решил, — усмехнулся Сашка. — Деньги ничто, здоровье всё. Меня за четыре года там укатали. Поэтому когда Шульц позвонил, я решил — а пусть. В конце концов, обратно, сама знаешь, сбежать никогда не поздно. Ну и плюс ты под боком...

— Ты уверен, что это плюс? — засмеялась я, обрадовавшись: принесли салат.

— Уверен, — спокойно ответил Лебедев, дёргая носом над ароматной пищей. Пепперони, как обычно. Он её обожает. — Как там твоя домашняя террористка? Утихомирилась?

— Как бы не так, — я скривилась, засовывая в рот здоровенный кусок курицы в соусе. Зажевала сухариком. — Ещё хуже стало. Честно, Саш, я начинаю терять терпение.

— Только начинаешь? Я её уже давно бы убил.

— На самом деле нет, не начинаю, — я вздохнула. — Заканчиваю. Невыносимо, честно.

И меня прорвало, как бракованную плотину. Я жаловалась Сашке, забыв про пиво и салат, эмоционально размахивая руками. Он сочувственно слушал, кивал, но про пищу не забывал. Съел почти всю, оставив мне два маленьких кусочка. Впрочем, мне больше и не надо, он знает.

В какой-то момент взгляд у Лебедева стал очень странным. Задумчивым, оценивающим и острым. А я, закончив и поняв, что горло у меня давно пересохло, потянулась к бокалу с пивом.

— Слушай, Стась, — протянул вдруг Сашка. — А выходи за меня замуж.

— Кх-х-х-хм! — я, подавившись глотком янтарного пива, выплюнула жидкость обратно в бокал и переспросила: — Чего-о-о?

Лебедев смотрел серьёзно, почти как на защите диплома.

— Ты только сразу не отказывайся, подумай, Стась. Дело вот в чём. Ты же помнишь моих родителей? Мама последний год одержима идеей меня женить. Ты же знаешь, я у них поздний, и она вбила себе в голову, что внуков может не дожидаться, если я буду тянуть. Батя её в этом поддерживает, и они так на меня насили... Я как ни позвоню — обязательно про это начнут говорить. Как ни приеду — очередную невесту подсовывают. Невозможно просто. Сил моих нет.

Эту историю я знала — Сашка жаловался пару месяцев назад, когда мы последний раз встречались. Папаша его тогда заявил, что если друг не женится в ближайшее время, то он их шикарный загородный дом по завещанию оставит государству и «хрен тебе, золотая рыбка».

Лебедев у нас мальчик обеспеченный, но при этом деньгами он никогда не кичился, за что и завоевал моё уважение. Деньги, если они не твои — не повод для хвастовства. Да и даже если твои — тоже.

— А при чём тут я-то? — спросила с недоумением, когда Сашка на секунду замолчал.

— Слушай. Сейчас поймёшь. Мне надо отделаться от предков, тебе — накопить на ипотеку. С твоей сестрицей ты не на ипотеку, а на дурдом накопишь, и не денег, а нервных расстройств. А тут — будешь жить у меня, квартира у меня большая, вдвоём там вполне свободно, даже не встретимся. И платить не надо. Копи себе, сколько хочешь. А мне родители перестанут мозги е...

— Саш!

— Извини. Ну что, выйдешь за меня?

Шикарное предложение руки и сердца. Всю жизнь о таком мечтала.

— Саша...

— Нет, опять я тороплюсь. Ты подумай, ладно?

Лебедев смотрел на меня жалобными глазами кота из Шрека, и я сдалась. Выдохнула и согласилась:

— Хорошо, я подумаю. Но у меня есть вопросы.

— Какие? — Сашка насторожился.

— В твоём предложении присутствуют белые пятна. Я получаю бесплатное отличное жильё и возможность копить бабло, а ты — только отмазу для родителей. Тебе не кажется, что условия неравные?

— М-м-м, — Лебедев задумчиво сделал глоток пива. — Ты в принципе права... Но это легко исправить. Что у нас там делают жёны?

Ой, не буду говорить, о чём я подумала. Ой, не буду...

— Стирает мне стиральная машина, посуду моет посудомойка, убираться и гладить два раза в неделю приходит специально обученная женщина. А вот еду никто не готовит. Будешь мне готовить? Ты же хорошо готовишь вроде?

— Вроде?!

Сашка заржал.

— Ну ты и нахал! Сам на моих днях рождения лопаешь так, будто у тебя глисты! «Вроде!» — передразнила я его. — Буду я тебе готовить, конечно.

— Вот и ответ на твой вопрос. Тебе — жильё и возможность копить, мне — отмаза и шикарная кухарка. Не знаю, как насчёт тебя, а я доволен.

Лебедев действительно лучился довольством. Конечно, он же прекрасно знает меня. Если я задаю вопросы — значит, сомневаюсь. Не сомневалась бы — послала сразу.

— И ещё вопрос... Более важный, Саш. Я вижу серьёзный изъян в твоём гениальном плане. Твои родители... не просекут?

— Ой, да перестань, — фыркнул Лебедев. — Чего мы с тобой, влюблённых не сыграем? Ты просто смотри на меня не так сурово, улыбайся почаще, прижимайся. Ну, и я то же самое буду делать. Ерунда. В постель они к нам не полезут, а остальное переживём. Я хорошо умею притворяться.

— Зато я — плохо.

— Не скромничай, — сказал Сашка вновь серьёзно. — Когда тебе надо, ты можешь дурить всем головы похлеще меня.

— Ты не сравнивай! — я вспыхнула. — По работе — да. Но обманывать родителей! Твоих, моих...

— Да, — он пожал плечами. — Нехорошо. Но по мне, так не смертельно. И они сами виноваты. Твои могли бы приструнить сестру, а мои не давить на меня со свадьбой. Сами напросились.

— Короче, я поняла, — я фыркнула. — Ты, если что, легко договоришься со своей совестью.

— Легко. Тем более что у меня её нет.

— Не ври, она у тебя есть. Просто редко просыпается. Это совесть не человека, а ленивца. Лебедев засмеялся.

— Помню, ты меня так называла, когда мы учились. Александр Ленивец.

— Тебе это подходило. Саш... и последний вопрос. Свадьба.

— А что с ней?

Я прищурилась.

— Ты правда не понимаешь или придуливаешься? Ты характер своих родителей вспомни. Они же любят всё масштабное, с размахом. А теперь вспомни мой характер. Я подобной свадьбы не переживу!

— Стась, — Сашка закатил глаза, — свадьба... Ну хорошо, если хочешь, я сделаю всё, чтобы эта самая свадьба была как можно скромнее. Я даже отмазу придумаю, по которой мы поженимся через месяц, а не через три, как они наверняка захотят. Или сколько там сейчас очереди в эти дворцы бракосочетаний пафосные? Пойдём с тобой в обычный загс. И будем настаивать на своём. Ресторан, конечно, потерпеть придётся, но не больше, это я тебе обещаю.

Я кивнула, зацепившись сознанием за одно интересное слово.

— «Отмазу»?

— Угу, — Саша усмехнулся и хитро-прехитро на меня посмотрел. — Скажу, что иначе умру от воздержания. Ты, мол, не соглашаешься со мной спать до свадьбы, как приличная девочка.

Приличная девочка вытаращила глаза и открыла рот.

- Поэтому чем быстрее мы поженимся — тем лучше.
Кажется, я начала краснеть.
- Ты это серьёзно нашим родителям собираешься говорить?!
- Почему нашим? Своим. Они смутятся, вот как ты сейчас, и отстанут.
- Знаешь, — протянула я, — совесть у тебя есть, а вот стыда не имеется.
- И хорошо, — фыркнул Лебедев. — Иначе наш номер не пройдёт.
- Я ещё не согласилась!
- Да? — и взгляд такой... Убила бы!
- Да! — рявкнула я. — Я подумаю, Саш. Не по душе мне это...
- Думай, — милостиво кивнул друг. — Я подожду. И ешь уже, в конце концов, свой салат. А то я не выдержу и съем его сам.
- Ну уж нет, — пробурчала я и взялась за вилку.

5

Ждать Сашке пришлось недолго.

Уже на следующий день я заявила в комнату к продавникам и рявкнула, подойдя к столу Лебедева:

— Я согласна!

Он аж вздрогнул, покосился на коллег.

— Пойдём, выйдем.

Мы вышли в коридор и Сашка, серьёзно поглядев на меня, спросил:

— Что у тебя случилось?

Я скривилась.

— А ты не замечаешь?

— Э-э-э...

— Ну значит, хорошо замазала. Ленка мне ночью усы зелёной пририсовала.

Лебедев хлопнул себя по лбу.

— М-да... фейспалм...

— Это тебе фейспалм, а мне хоть фейсом ап тейбл с утра. Спирта нет, водкой и мылом тёрла-тёрла... Потом тональником, пудрой замазывала-замазывала... Не видно, значит?

Сашка напряжённо всматривался в моё лицо.

— Ну, если знать, что там усы, то чуть заметно. Но не критично.

Я вздохнула.

— Короче... эти усы меня доконали. Нафиг. Я согласна быть твоей любимой женой.

— Прекрасно, — Лебедев прям расцвёл. — Значит, так... Сейчас посмотрю в интернете адрес ближайшего загса, в обед туда и пойдём. У тебя же паспорт с собой?

— Э-э... — я слегка обалдела. — Ну да, я всегда его в сумке ношу. Ты хочешь... уже?

— Конечно. А чего ждать?

— Родителей предупредить...

— Зачем предупреждать врага о нападении? — усмехнулся Сашка. — Вот заявление подадим — и всё расскажем. В пятницу вечером твоим, в субботу моим. Или наоборот. Как тебе больше нравится.

— Да мне фиолетово...

— Тогда сначала твоим. К моим надо морально подготовиться... Короче, зайду за тобой в обед. Паспорт бы не забыть...

Я шокированно кивнула — и мы разошлись. Работать.

.

Перед тем как пойти в загс, я какое-то время смотрела на себя в зеркало в туалете и напряжённо думала.

Я совершенно не робот, хоть и достаточно хладнокровный человек. Поэтому слегка нервничала. Как-то не так представляла я себе свой поход в загс... Не с Сашкой, не с зелёными усами над верхней губой, и не в подобном платье.

Нет, само платье-то ничего, просто оно... не праздничное. Обычное такое, рабочее — тёмно-синее, с юбкой чуть ниже колен. И волосы бы помыть утром не мешало, и я бы помыла, но усы... отняли всё время.

В общем, да — фиговая с меня невеста. Может, хоть жена ничего будет? Если в плане готовки, то да. А остального Сашке от меня и не надо.

В нашей с ним дружбе была одна маленькая трещинка. Я ему врала по одному деликатному вопросу — правду просто не могла сказать, духу не хватало. Мы с Лебедевым ведь обо

всём разговаривали, в том числе и о сексе. И он как-то взял и спросил, какая поза мне больше нравится.

Сашка тогда был не совсем трезв, но не в этом дело. Не могла я признаться, что девственница. Сейчас мне двадцать пять, тогда было двадцать четыре — да Лебедев меня на смех поднимет, если узнает.

Я не специально, честно. Просто не складывались у меня с кем-то отношения настолько, чтобы хотеть лечь в койку. В институте я была сильно влюблена в Костю Волгина, нашего с Сашкой однокурсника, который женился сразу после выпуска. Мы с ним никогда не встречались, общались только — я не была ему интересна, впрочем, как и Лебедеву.

У меня были молодые люди, и с одним я даже почти дошла до кондиции, но... вот именно — почти. И когда я наконец решилась, он как раз сказал, что хочет расстаться, цитирую: «Мне нужна более эмоциональная женщина». Мне тогда ужасно смешно стало — я услышала в этом: «Я хочу трахаться, а не ходить по театрам и паркам».

В общем, я очень надеялась, что Сашка не узнает этот мой секрет. Я всегда поддерживала его пошлые шуточки и он, кажется, действительно не подозревал, что я ещё — как бы он спошил — не раскупорена.

Ладно, не узнает он ничего, под юбку же не полезет, а я не скажу.

Зазвонил мобильный телефон.

— Ты где? — Лебедев явно был недоволен. — Давай быстрее, работа стоит, а срок идёт.

— Слушаюсь, — фыркнула я, отключаясь. Последний раз посмотрела в зеркало на своё бледное лицо в больших очках и с голубыми глазами за ними. Довольно-таки крупный нос и губы, волосы грязноваты... М-да, невестушка. Интересно, работники загса видели таких невест? Впрочем, о чём это я. Конечно, видели. Они там и не такое видели...

Чем ближе мы подходили к загсу, тем сильнее я нервничала и тем больше сомневалась в решении, принятом сгоряча, пока я ожесточённо тёрла зелёные усы у себя под носом.

Я не любила поспешно принятые решения и теперь отчаянно сомневалась. Нет, жить вместе с Сашкой вовсе не казалось мне такой уж большой проблемой. Я знала его достаточно хорошо, чтобы понимать — всё будет нормально.

Но этот обман...

— Стааась... Стася! Чего, совесть проснулась? — фыркнул вдруг Сашка, хватая меня за руку. Он всегда легко до неё дотягивался — мы с ним оба были невысокого роста. Только я метр шестьдесят с кепкой, а он — метр семьдесят с панамкой. Сто семьдесят пять сантиметров, то бишь.

Я знала, что друг немного комплексует из-за роста, и никогда по этому поводу не проходила, не шутила даже. У каждого человека есть больные места, над которыми лучше не шутить, вот у Сашки таким местом был рост.

Он мне даже как-то сказал — мол, практически любая девушка, если наденет туфли на каблуках, будет выше него. «Хоть ты на шпильках не рассекаешь», — хмыкнул тогда Сашка, и я впервые в жизни почувствовала облегчение от того, что совершенно не умею ходить на высоченных каблуках. Небольшая танкетка — мой максимум.

— Надо твою совесть назад заснуть, Стася, — продолжал Сашка, сжимая мою ладонь.

— Не заснуть, а засунуть, — типично по-редакторски поправила друга я, но он засмеялся и покачал головой.

— Нет, белочка, именно заснуть. Она же проснулась? Проснулась. А теперь её надо заснуть.

— Это слово так не употребляется.

— Раз я сказал, значит, употребляется. И вообще, не спорь со мной, женщина!

Я хмыкнула.

— Мы ещё не женаты, а ты уже мной командуешь. Что же дальше будет?
Сашка улыбнулся и вдруг изменился в лице, а потом хлопнул себя по лбу.

— Блин! Кольца! А слона-то я и не заметил...

— Какие кольца? — ступила я по полной программе. И тоже хлопнула себя по лбу. — Ой, да...

— Пошли, — Лебедев развернулся и потопал обратно к метро. — Там должен быть ювелирный. Возле метро всегда есть ювелирный.

— Да ладно тебе! Зачем сейчас-то? Можно вечером сходить. Как будто эти кольца от нас убегают!

— Нет, — отрезал Сашка, не выпуская моей руки. — Мы и так с тобой всё делаем неправильно, давай хоть в подобных вещах будем соблюдать традицию. Сначала кольца, потом загс.

— Да с чего ты взял, что это традиция?! Кольца нужны только на свадьбе! Заявление и без них подавать можно!

— Стася! Предложение без кольца — не предложение! Перед моими родителями тебе без кольца на пальце появляться нельзя. Мы даже так сделаем — купим три кольца.

— Три-и-и?! Зачем?! Кто третий-то?!

Сашка засмеялся, услышав этот вопрос.

— Ты, Стась. Тебе нужны два кольца. Помолвочное и... как его там. Свадебное.

Я тоскливо вздохнула, продолжая семенить за Лебедевым.

— Может, мы это самое... помоечное... напрокат возьмём?

— Не помоечное, а помолвочное. На помолвку. Будет на твоём пальчике красоваться, когда мы к родителям пойдём каяться в грехах.

— Сашка! — взвыла я. — А без этого нельзя?!

— Не-е-ет, — протянул этот... растратчик собственных денежных средств. — Не солидно. Не поверят. И вообще — молчи, женщина!

— Да у нас обед закончится, пока мы тут кольца покупаем!! А ещё в загс идти!

— Шульца опасаться? — хмыкнул Лебедев. — Не переживай. Я всё продумал. Он перед обедом свалил и сегодня уже не вернётся. Так что у нас есть время и на кольца, и на загс. Может, вообще в кино сходим?

— Сашка!!!

— Да ладно тебе. Расслабься. О, а вот и ювелирный. Пошли!

Лебедев взял меня под руку и почти понёс на себе вверх по лестнице. Я отчаянно пыхла и кидала на Сашку гневные взгляды, получая в ответ, как обычно, взгляды насмешливые.

У меня и так стресс, а этот гад ещё и издевается!

6

В ювелирном я краснела, бледнела и продолжала пыхтеть. Экономить и покупать чего попроще Лебедев не желал, в результате мы вышли из магазина, оставив внутри две моих зарплаты.

— Ты на этой фиктивной свадьбе в трубу вылетишь, — пробурчала я, косясь на счастливого друга. Детский сад, штаны на лямках! Он всегда любил авантюры, поэтому сейчас искренне наслаждался происходящим.

— Не вылечу, — отмахнулся Сашка. — Так, тут, я смотрю, скверик есть... Пошли-ка в скверик.

— Зачем? Загс же в другой стороне.

— Пошли-пошли, — и он вновь потянул меня за руку.

Довёл до одной из скамеек, усадил, опустился перед мной на колени, поразив меня этим фактом до потери дара речи, достал из кармана бархатную коробочку, открыл её, обворожительно улыбнулся и торжественно произнёс:

— Дорогая и обожаемая моя Стася! Скажи, ты выйдешь за меня замуж?

Я не выдержала и захихикала, таким в этот момент забавным казался Лебедев.

— Ну, выйду.

— Не «ну, выйду», а давай-ка поторжественнее, — назидательно сказал Сашка, и я закашлялась от смеха.

— Дорогой и обожаемый мой Саша! Конечно, я выйду за тебя замуж.

— Вот и прекрасно, — расцвёл Лебедев, нацепляя мне кольцо на палец, а потом вдруг привстал и быстро чмокнул меня в губы. Едва очки с носа не сшиб...

— Ты чего? — поразилась я, когда Сашка поднялся на ноги и протянул мне руку. Он пожал плечами с чрезвычайно довольной физиономией и ответил:

— Поцелуй, скрепляющий клятву. На счастье.

Я оказалась права — никому в загсе не было до нас и нашего внешнего вида никакого дела. Мы заполнили анкеты, зашли в кабинет, получили толстенную папку с рекламными материалами, выбрали дату свадьбы — до неё теперь чуть больше месяца — и выкатились наружу, в изнуряющую июльскую жару.

— Ну, всё, — сказал Сашка, потирая руки. — Самое главное сделали, назад дороги нет.

Как по мне, так назад дорога всегда есть. Но у меня не было сил возражать, я чувствовала себя вымотанной как физически, так и морально.

— Ну что, в офис? — спросил Лебедев, доставая из кармана мобильный телефон и глядя на часы. Я скривилась.

— Нет. И пошло всё... Я не в состоянии работать. Шульцу сейчас позвоню, отпрошусь, сострою жалобный голос.

Сашка кивнул.

— Ага, это правильно. А я ещё перед нашим походом у него отпросился. Сказал, форс-мажор. Заметь, даже не соврал!

Понятно, почему он не торопился в офис... Но мне всё же надо позвонить начальнику. Если я прогуляю, и он потом случайно об этом узнает, всю плешь проест.

— Может, в кино сходим? — ещё раз предложил Сашка, когда я положила трубку после короткого разговора с шефом. Я посмотрела на друга с изумлением.

Лебедев, как обычно, встретил мой взгляд с насмешливо-невинным выражением лица. Я строго сдвинула брови, он улыбнулся, я сдвинула сильнее... подумала... и согласилась.

Бредовый день должен закончиться бредово, разве нет?

Сразу после кино мы с Сашкой распрощались, и я думала пойти домой, но неожиданно в сумке завибрировал телефон.

Так уж получилось, что настоящих друзей у меня двое, остальные — приятели или хорошие знакомые. Один из этих друзей — собственно Сашка, а вот вторая — Ксюша, тоже наша однокурсница и одноклассница. Мы даже втроём один раз ездили в Прагу, очень весело было.

Ксюша ещё во время учёбы устроилась в крупнейшее издательство нашей страны, там пока и обитала, периодически нервно дёргая глазом и жалуясь на со всех сторон долбанутое начальство. Она тоже была не замужем, как и я, поэтому встречались мы с ней частенько.

— Привет, Стась, — судя по напряжённому голосу Ксюшки, её опять достали. — Может, пересечёмся сегодня? Ты как?

— Давай, — думала я недолго. В конце концов, с Ксюшей хоть новостями можно поделиться. Должен же хотя бы один человек знать про нашу с Сашкой авантюру.

Мы встретились в центре и направились в ближайшую кафешку, где я заказала салат и клюквенный морс, а подруга — тирамису и кофе с коньяком.

— Бесит всё, — заявила Ксюшка со вздохом, сунула в рот полную ложку пирожного и блаженно закатила глаза. — Думала, взорвусь сегодня. Хотят на меня ещё «Энгри бёрдс» повесить, представляешь?!

Что-то слабо шевельнулось в памяти.

— Энгри... чё?

— Бёрдс. Птички такие разноцветные. Алкоголические.

— А-а-а! Точно. А почему алкоголические?

— Потому что как наша российская белочка, только энгри бёрдс. Короче, я пока брехаюсь, что мне и так уже много, но начальство щёлкает своим энгри клювом прям мне по макушке.

— Тогда отвлекись. Сейчас я тебе кое-что интересное расскажу...

— Только не говори, что Шульц тебе зарплату хочет повысить.

Мы переглянулись и хором расхохотались.

А потом я начала вещать про нас с Сашкой, и Ксюша забыла и про свой алкоголический кофе, и про пирожное. Смотрела на меня так, будто видела впервые, а потом, когда я закончила, задумчиво протянула:

— Да уж, мои энгри бёрдс отдыхают... Значит, ты скоро будешь Стасей Лебедевой. Занятно...

— Почему Лебедевой?

— Ну как. Ты же фамилию будешь менять? Или нет?

Только в этот момент я с ужасом осознала: когда в загсе спрашивали, буду ли я менять фамилию, я от растерянности кивнула, даже не задумавшись над смыслом вопроса. И Сашка тоже промолчал!

— Вот гад! — вырвалось у меня, и Ксюшка расплылась в улыбке.

— Да ладно. Лебедева, Орлова — какая разница? Птичий двор, короче.

— Большая разница! На фига менять фамилию, если брак фиктивный?

— Был фиктивный, станет эффективный, — усмехнулась подруга, но, заметив мой яростный взгляд, погасила улыбку. — Ладно тебе, Стась. Смена фамилии — часть вашей маскировки, и Сашка, скорее всего, думал, что ты понимаешь. Вы и так наверняка вызовете подозрение у его родителей, а если уж ты ещё и фамилию себе оставишь...

— Почему мы вызовем подозрение у его родителей? — вырвалось у меня, и Ксюша вновь улыбнулась.

— Стася... Ты иногда такой наивняк... Ну Сашка, допустим, будет вести себя достойно, а ты-то? Я помню, как ты напряглась, когда он тебя однажды в шутку на колени к себе усадил — ну прям соляной столб, а не женщина.

Хм. А я этого не помню...

— И тогда это просто колени были, да ещё и шутка. А тут... бдительные Сашкины родители, особенно папа, а потом свадьба. Там, между прочим, «горько» кричат!

Точно. Вот блин! Хоть иди обратно заявление забирай.

А Ксюшка ещё и ржёт...

— У меня такое впечатление, что ты с Лебедевым заодно, — протянула я, и подруга закашлялась. Отпила кофе, посмотрела на меня с укоризной.

— Это у тебя уже паранойя, Стась.

— Да знаю, — я поморщилась. — Просто... сомневаюсь я в принятом решении.

— А вот не надо, — сказала Ксюша спокойно и совершенно серьёзно. — Раз ты уже его приняла — не сомневайся. Гни свою линию. И не терзайся, в конце концов, вы с Лебедевым никого убивать не собираетесь. Накопишь за пару-тройку лет денег на ипотеку, Сашка встретит свою любовь — и разведётесь. Тихо и мирно.

Я кивнула, вздохнула и задумчиво сделала глоток морса из бокала.

— Ты только смотри, не влюбись, Стась.

— В кого? — изумилась я.

— В Сашку, в кого же ещё. Он ведь обаятельный, — пояснила мне Ксюша, словно дурочке, и я фыркнула.

— Да ну тебя! Ни за что.

Она едва заметно качнула головой и опустила глаза, но я успела заметить, что они смеются.

7

Кольцо на моём пальце первой увидела, конечно, Ленка.

— Ой, что это у тебя?! — она подскочила ко мне, когда я переодевалась, схватила за руку и требовательно дёрнула на себя ладонь. Мда. Моя сестра во всей красе — если ей что нужно, Ленка это возьмёт, невзирая ни на какие обстоятельства.

— Я переодеваюсь, — я вырвала у неё руку, окончательно сняла блузку, потом лифчик, и отправила всё в шкаф.

Взгляд невольно упал на отражение. Кожа слишком бледная, но грудь полная и довольно-таки большая. Она у меня почему-то здорово начала расти после восемнадцати лет... почти третий размер уже. И попа у меня теперь гораздо крупнее, под стать груди...

— Нет, ну ты скажи, — Ленка вновь попыталась схватить меня за руку. — Откуда это, а?! Красота-то какая!

Да, кольцо Сашка купил красивое. Тонкий ободок из белого золота и довольно-таки крупный бриллиант в центре. Самое дорогое украшение за всю мою жизнь.

Что ж, раз мне так подфартило с Ленкой... она ведь сразу всё родителям разнесёт. Очень удобно — не придётся врать им в лицо. Врать сестре намного проще.

Хотя... врать родителям всё равно придётся.

— Это помолвочное кольцо. Я замуж выхожу, Лен.

Она вытаращилась на меня так, будто я ей сообщила, что загрузила на ютуб свой первый в жизни видосик.

— З-з-замуж?

— Угу. Замуж.

— З-з-за кого?

— За Сашку Лебедева. Это мой однокурсник. Мы сегодня заявление подали, свадьба через месяц примерно.

Теперь к распахнутым глазам присоединился раскрытый рот.

— А-а-а... А папа с мамой знают?!

— Ещё нет.

— Так надо им сказать!

— Скажи, — я пожала плечами, накидывая халат. — А я пока в душ.

Ленка меня не подвела — вывалила всё родителям, как на духу. В результате, когда я, довольная и распаренная, вышла из ванной и зашла на кухню, чтобы сделать чаю, меня там встретили три очень удивлённые физиономии.

— Стася! — воскликнула мама. — Сашка Лебедев?! Но это же твой однокурсник!

— Угу, — кивнула я, доставая из шкафа чашку. Хотела пошутить — мол, не однокурсница же, чего вы так всполошились? — но у моих родителей всегда было туговато с чувством юмора.

— Но как же... Когда вы успели?!

Можно подумать, мы с ним не жениться собрались, а диссертацию за два месяца написали. Вот это я понимаю — «успели». А тут-то что? Дурное дело не хитрое.

— Сашка к нам в издательство работать пришёл, — ответила я, старательно отворачиваясь от родителей — щёки от вранья горели будь здоров... Хотя врать я ещё даже не начинала. — Мы друг друга увидели — и поняли, что пропали. Мне кажется, я его всегда любила, просто поняла... только сейчас.

Блин. Что ж так стыдно-то, а?!

Ну почему мне не было настолько стыдно, когда я с честно распахнутыми глазами уверяла Шульца, что «завтра всё уйдёт в типографию»?! Почему мне не было настолько стыдно,

когда я скрыла от него опечатку на одной из обложек, а потом он узнал о ней сам и орал так, что уши закладывало?! Почему мне не было настолько стыдно, когда я сказала Шульцу, что заболела, а на самом деле мне тупо хотелось подольше поспать?!

Мне тогда даже неловко не было! А сейчас — было, и очень. Щёки горели, и уши тоже. Да что там щёки и уши — у меня даже пятки горели, настолько хотелось поскорее убежать с кухни.

Но родители явно приняли мой румянец за смущение из-за признания в собственных чувствах. Сашка, кстати, это предсказывал... умник.

— Ох, — мама засуетилась, — это что же теперь? Надо ведь срочно всё организовывать...

— Мам, погоди. Саша скоро придёт к нам в гости, тогда и поговорим. Решим, что да как. Успеем. Ещё больше месяца.

— Ты наивная, — мама закатила глаза, а папа глубокомысленно кивнул. — Там же дел невпроворот! Месяц — едва-едва хватит на всё-про всё!

— А голубей выпускать будем?! — восторженно сложила ладошки Ленка, и я вздрогнула.

Нет уж, никаких голубей. И лебедей, и орлов — тоже. И так сплошной птичий двор.

8

— Ну, как всё прошло? — спросил у меня неунывающий Сашка утром следующего дня. Я покосилась на коллег, явно наостривших ушки, и встала из-за стола.

— Пошли в переговорную.

Лебедев чуть слышно фыркнул. Нет, ему легко фыркать! А я не представляю, как буду объяснять людям, с которыми работаю четыре с лишним года, что выхожу замуж за человека, который тут третий день им глаза мозолит. Я к этому морально не готова!

— Знаешь... главное, что это прошло, — сказала я, как только Сашка закрыл за собой дверь в переговорную. — Теперь осталось дожить до пятницы.

— Точно. А потом до субботы. А потом до свадьбы. А потом до развода...

— Хватит издеваться!! Я и так вся на нервах.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Лебедев. — Ерунда. Справимся. Ты только запомни несколько простых правил по поведению в пятницу.

Изначально мы планировали пойти к моим родителям в пятницу, а к Сашкиным в субботу, но оказалось, что его отца на выходных не будет в городе — командировка. Так что планы пришлось поменять к нашему общему недовольству.

— Каких ещё правил?

— Простых. Во-первых, не кидай на меня удивлённых взглядов, какую бы чушь я ни нёс. Во-вторых, не дёргайся, если я буду тебя трогать.

— Да я и так вроде не дёргаюсь...

— Ну конечно! — хмыкнул Сашка. — Если тебя просто за руку взять, ты, конечно, не дёрнешься. А вот если...

Он глубокомысленно замолчал. Я сглотнула.

— Если... что?

— Ну вот если я вдруг тебя приобниму, например, и пальцы твои начну нежно так перебирать... И в щёку чмокну...

— Ясно, — я постаралась не терять самообладание от подобных описаний. — Только давай... без фанатизма.

— Ну уж как получится, — развёл руками Сашка. — Главное — чтобы нам поверили, поэтому действовать я буду по обстоятельствам. Ещё что... А! В-третьих — если не знаешь, что ответить, лучше молчи, улыбайся и смущённо опускай глаза. А я сам что-нибудь придумаю.

— Знаешь, — я вздохнула, — у меня такое ощущение, что мы с тобой — два Штирлица в стане врага.

— Нет, Стась, — Лебедев улыбнулся. — Мы с тобой — Дон Кихот и Санчо Панса среди ветряных мельниц.

— М-да... Ну, можно и так.

Когда вечером в среду я пришла домой, Ленка вела себя на удивление тихо и задумчиво. Я насторожилась: зная сестрёнку, она вполне может обдумывать очередную пакость.

— Я не понимаю, — протянула вдруг Ленка, косясь на меня. — Что он в тебе нашёл?

А-а-а, понятно. И в этой луже мы тоже плавали, знаем.

— Ты некрасивая. И до ужаса скучная. С тобой даже поговорить не о чем!

— А ты у него спроси, — посоветовала я сестре, хмыкнув. — Так и скажи — мол, Саша, а что вы нашли в Стасе? Вдруг глаза ему откроешь? Он и передумает на мне жениться.

Ленка надулась, глядя на меня с мрачным упрямством подростка.

— А вот и спрошу!

— Спроси, — кивнула я, представляя, как развеселится Лебедев. — И я заодно узнаю, что он во мне нашёл. А то до сих пор недоумеваю.

Сестра задумалась, явно стараясь придумать, чем бы ещё меня уколоть. Глупышка.

Мне было двенадцать, когда она родилась. И так как я всегда была самостоятельным ребёнком, мама с папой почти полностью переключились на Ленку, я же была предоставлена самой себе. Могла гулять, где угодно — благо, что допоздна не отпускали! — читать, что хочу, и даже если я прогуливала школу, родители особенно не ругались. Ленка много болела — у них просто не было сил.

Потом я поступила в институт, а сестра наконец перестала бесконечно болеть и превратилась в совершенно очаровательную малышку. Я сама её обожала и безмерно баловала. Но я тогда по сути тоже была ребёнком, хоть и училась в институте.

На последних курсах, начав ещё и работать, я мало видела как родителей, так и сестру. Когда я приходила домой, Ленка уже спала, и продолжала спать, когда я утром убегала в институт или на работу.

Тогда она была золотой девочкой. Милой, доброй, только звёзд с неба не хватало, но их от сестры никто и не требовал. Хотя сейчас, оглядываясь назад, я понимаю — нет, и всё-таки уже в то время в Ленке активно прорастали побеги махрового эгоизма. Теперь же он просто в стадии активного роста и развития.

Возможно, у неё это пройдёт. Подростковый возраст кончится — и пройдёт. Я очень на это надеюсь.

Но у меня, ужасно устающей на работе последние несколько лет, совершенно нет сил бороться с сестрой. Хотя и меня порой выносило на тропу войны, но она быстро заканчивалась. Я по сути миротворец, к тому же, выжатый на работе собственным начальником почти досуха. Какие такие войны?

А вот Ленка хотела войн. Я это чувствовала — многие вещи она делала специально, назло, ожидая моей реакции, и даже расстраивалась, если я не начинала орать на неё. Интересно, кого она будет доводить, когда я к Сашке перееду?

Ох, поскорее бы...

— А я лимузин хочу. Белый, — вдруг сказала Ленка и посмотрела на меня с превосходством, словно это она замуж собиралась, а не я.

— Терпеть не могу лимузины, — отрезала я, и сестра скривилась.

— Ну я же говорю. Ты скучная.

— И Сашка терпеть не может лимузины, — вкрадчиво заметила я, и Ленка зависла. Как можно не любить лимузины, они ведь такие красивые! Особенно если свадебные. — Наверное, он тоже скучный. Поэтому и женится на мне. И будем мы с ним прозябать в скуке... и без лимузинов. Кошмарики!

Ленка очень не хотела смеяться, я видела это по её лицу. Но всё же не выдержала и рассмеелась. Наверное, представила себе эту безрадостную картину — меня, Сашку... и никаких лимузинов.

9

В четверг перед обедом ко мне в комнату заглянул Лебедев.

— Стася, потопали.

Я, по-прежнему не признаваясь коллегам в собственном статусе невесты, послушно поспешила на выход под удивлённые взгляды. Вышла, закрыла дверь и прошептала:

— Куда потопали-то?

Сашка фыркнул.

— Платье тебе покупать.

— Свадебное?!

С ума он, что ли, сошёл?

— Да какое свадебное! — засмеялся Лебедев. — Ты что, Стась! Мы же завтра с тобой к моим родителям поедем после работы. И в чём ты поедешь? Вот в ЭТОМ, что ли?

Нет, он так сказал «вот в ЭТОМ», как будто я на работу приходила не в приличных костюмах, а как минимум в сетке из-под картошки.

— Я переоденусь.

— Во что?

Я пожала плечами.

— Пока не думала.

— Вот! — Лебедев схватил меня за руку и потащил к выходу. — А я подумал. Сейчас вместе выберем, чтобы ты уж точно моим родителям понравилась!

— Так твои родители меня прекрасно знают!

— Они знают Стасю-однокурсницу. А я завтра поведу к ним Стасю — мою невесту. И вообще — молчи, женщина!

— Сашка, ты повторяешься.

— Молчи, говорю!

Я закатила глаза. Ну ладно, пусть играет... платье так платье.

Не пенюар же!

Не зря Ксюша говорит, что я иногда бываю наивной. Я думала, мы войдём в торговый центр, быстренько выберем платье — и назад. Но Лебедев так зависал, что я минут через двадцать захотела его придушить.

Он всё отметал и отметал варианты платьев. Понравившиеся вытаскивал из недр вешалок и кидал мне в руки, вызывая этим у меня возмущённое сопение. Потом вновь рылся — и опять кидал...

— Лебедев. Я уже начинаю сомневаться в том, кто из нас женщина.

— О! — он поднял голову и усмехнулся. — Какие интересные заявления, Стася. Могу провести тебе урок анатомии, если хочешь. Называться будет «Отличие мужчины от женщины». Как, провести?

— Нет уж, — кажется, я слегка покраснела. С Сашки станется его провести! У него же ни стыда, ни совести не имеется.

— А может... — он вдруг оставил вешалки в покое и привлёк меня к себе, обхватив ладонями за талию. А так как руки у меня были заняты платьями, отбиться я не могла. — Может, устроить этот урок в первую брачную ночь? А, Стась?

— Нахал, — пробурчала я, пока Сашка, смеясь, наклонялся и тёрся носом о мою щёку. Стало щекотно, и я улыбнулась.

Лебедев между тем наклонился ниже и теперь уже тыкался носом мне в шею.

— М-м-м... Хорошо пахнешь, Стась.

Мне было неловко, потому что Сашка уже прикоснулся там губами, вызывая волну мурашек по всему телу.

— Чем? Я же туалетной водой не пользуюсь.

— Ну собой, значит, пахнешь. И реагируешь, кстати, хорошо, правильно.

— А-а-а, — протянула я понимающе, — тренируешься?

— Да. — Лебедев наконец отстранился, посмотрел на гору платьев у меня в руках. — Думаю, достаточно. Пошли мерить.

— Надеюсь, ты сам в кабинку не полезешь? — съязвила я, и Сашка рассмеялся.

— Если будешь хорошо себя вести — не полезу.

— Я всегда хорошо себя веду.

— О да, — он рассмеялся чуть громче. — Ты у нас приличная девочка.

И всё бы ничего, если бы Лебедев в этот момент не схватил меня за ягодицу. Я шла впереди него и чуть не растеряла все платья разом, подпрыгнув от неожиданности.

А этот гад только заржал.

— Я тебе отомщу, — сказала я, вытаращивая глаза, чтобы самой не рассмеяться.

— Неужели? — усмехнулся Сашка. — Ну жду с нетерпением! Только чур слишком сильно не хватать, а то у меня попка нежная.

Я не выдержала и затряслась от беззвучного смеха. Никогда не могла всерьёз на него сердиться...

В кабинку ко мне Лебедев, слава богу, не полез. И дальше в целом было проще — я померила всего три платья из этой адской кучи, и мы с Сашкой сразу определились, что мне лучше идти к его родителям в классическом синем, с юбкой до колен, без рукавов и всяческих вырезов. Красиво, стильно, строго — то, что было нужно и ему, и мне.

А потом мы вернулись в офис... и Сашка, перед тем, как уйти к себе, чмокнул меня в щёку, вызвав этим непроизвольное вытаращивание глаз у коллег. И у меня тоже, наверное.

Так что пришлось рассказать о нашей женитьбе. Это оказалось не так страшно, как врать родителям, но тоже довольно неловко. Особенно когда к вечеру об этом уже каждая собака знала. И даже Шульц прикольнолся, сказав:

— Ну, я надеюсь, теперь ты не будешь ругаться с продавниками, Стася. Всё-таки муж и жена — одна сатана!

Я даже с ответом не нашлась. Пришлось улыбаться и кивать, ощущая, как горят щёки.

Да-а-а... И это ведь только начало...

10

Пятница пролетела, как один миг. И вот — настал вечер, и Лебедев погнал меня в туалет — переодеваться и краситься, чтобы, как он выразился, сразить всех наповал. Сам он с утра пришёл весь из себя парадный — тёмные брюки, синяя рубашка в тон платью. Непривычно серьёзный и торжественный. Как будто на похороны собирается...

А я так волновалась, что даже обедать днём не пошла — поняла, что ни крошки не смогу проглотить. Со мной так всегда. Кто-то от волнения ест, как не в себя, а я вот не могу. И тошню ещё для полного счастья...

В общем, когда я вышла из туалета — бледная поганка в синем платье — Сашка слегка нахмурился.

— Н-да. На счастливую невесту ты похожа почти так же, как я похож на президента Франции.

— А кто у них там сейчас президент? — глупо спросила я, пытаюсь вспомнить, похож ли на него Лебедев.

— Какой-то Макарон. Или Макарун?

— Тьфу на тебя! Макрон его фамилия.

— Какая разница? — удивился Сашка, и я фыркнула. Действительно, какая разница? Мы-то не во Франции.

Минут через десять мы уже сидели в такси и неспешно буксовали в московской пробке по пути к родителям Лебедева. Я нервно разглаживала несуществующие складки на юбке платья, сглатывая вязкую слюну, а Сашка пялился в окно. Потом на меня. А потом опять в окно.

— Слушай, — сказал он, отворачиваясь от окна, когда я в очередной раз сглотнула, — ты хотя бы ела сегодня? А то ты так выглядишь, будто сейчас в обморок упадёшь. В конце концов, мы не к крокодилам в гости едем, а к моим родителям.

Да уж лучше бы к крокодилам...

— Девочка Катя у клетки бродила — больше не надо кормить крокодила, — глубоко-мысленно процитировала я старый детский стишок, и Сашка хмыкнул.

— А шутить можешь ещё. Значит, не всё так безнадежно. Ну ничего, там поешь и оттаешь.

— Да я и так вроде не особо замороженная...

— Замороженная. Ты — замороженная, уж можешь мне поверить.

Я даже немножко обиделась.

— Сейчас или вообще?

— И сейчас, — улыбнулся Сашка, — и вообще. Да не дуйся ты так! У всех свои недостатки. И я прекрасно знаю твои, а ты — мои, и нас обоих они устраивают. Просто сейчас надо... — Лебедев покосился на водителя такси, как на вражеского шпиона, и понизил голос, — ... чтобы нам поверили.

— Да поверят, — я вздохнула. — Не переживай, не подведу я. Просто сложно... не волноваться.

— Ну да. Все невесты волнуются, — подмигнул мне Сашка, а потом взял за руку и сжал ладонь в ободряющем жесте.

Невеста... Да... Тили-тили-тесто...

Как я умудрилась в это вляпаться?..

.

Родители Лебедева жили за городом, в шикарном доме. Даже не в доме, а в целом особняке. Я была тут однажды, пару лет назад — Сашка праздновал день рождения и привозил нескольких своих друзей, в том числе и нас с Ксюшкой.

Папа у Лебедева был владельцем какой-то крупной строительной конторы, а мама домохозяйничала и занималась творчеством — рисовала картины и лепила из глины, причём, на мой взгляд, совершенно не обладала талантом ни к тому, ни к другому. Сашка, кстати, тоже так думал. И отец его. Но молчали, не желая расстраивать маму.

Лебедев был единственным сыном и наследником всего этого богатства. Завидный, короче, жених. Как бы они не решили, что я на его деньги польстилась...

Сашка с восемнадцати лет жил отдельно — его отец сам отослал сына «в жизнь», как он выразился. Да уж, «в жизнь». Мама-то Сашкина еще года три приезжала к другу на квартиру раза по два в неделю — убиралась, что-то готовила, стирала и гладила. Хороша «жизнь»!

Теперь, насколько я знаю, Лебедев сам справлялся, и последнее время его мама начала говорить о приёмном ребёнке. Отец пока противился, но Сашка был уверен — со временем мама папу додавит.

— Ну и хорошо, — заявлял при этом друг, — ей хоть скучно не будет. А то я вырос, папа на работе, она целыми днями одна. Ну, встретится иногда с подругами, по магазинам походит, но всё равно делать особо нечего.

Так что... понимая, насколько скучно Сашкиной маме, я с ужасом представляла, как она обрадуется возможности организовать свадьбу. И с каким рвением будет отстаивать каждое своё решение или желание.

— Не дрейфь, — шепнул мне Лебедев, звоня в калитку. — Не льдина.

Я улыбнулась непослушными губами.

— Добрый вечер, Александр, — вдруг сказала напоминающая домофон конструкция, и я вздрогнула от неожиданности. — Девушка с вами?

— Со мной, конечно, — фыркнул Сашка, хватая меня за холодную ладонь. — Ещё как со мной.

— Заходите.

Что-то запищало, и калитка открылась. Хотя... наверное, неправильно называть эту полноценную дверь калиткой, так же, как и сооружение вокруг дома — забором. Это была стена, а в ней как минимум дверь, а как максимум — ворота. С кодовым замком и охраной, с которой Лебедев, собственно, и разговаривал...

Да уж... и куда я прусь? Мама у меня всю жизнь работала продавщицей в магазине, а папа — водителем автобуса. У меня, конечно, более интеллектуальная профессия, но зарплата там лучше не намного. Наверное, Сашкины родители в месяц столько налогов государству платят, сколько у меня зарплата. А может, даже и больше.

Ладно, будем искать в этом положительные стороны. Представлю, что бы со мной было, если бы я хотела выйти за Сашку по-настоящему, а не фиктивно.

Ох, нет. Лучше не представлять. И так тошно...

— Привет, сынуля! — родители Лебедева уже стояли на крыльце, и его мама махала нам с ним рукой. — А кто это с тобой? О, Стася! Я очень рада тебя видеть!

Я растянула губы в улыбке. Кажется, я сейчас грохнусь в обморок...

Но Сашка всё предусмотрел — приобнял меня за талию и практически потащил на себе. Мне оставалось только перебирать ногами, как гусенице, внезапно оставшейся без опоры.

— Мам, пап, — сказал друг торжественно и важно, и я нервно сглотнула, — позвольте представить вам Стасю, мою невесту.

В наступившей тишине было слышно, как в траве ходят муравьи, а в воздухе пролетают комары и мухи.

— Что? — первым очухался Сашкин папа.

— Вчера мы подали заявление в загс, — продолжал друг вполне спокойно и дружелюбно, как будто говорил всего лишь о погоде, — свадьба через месяц. Ну, мы ждём поздравлений!

Кажется, я покачнулась — Сашка сильнее сжал ладонь на моей талии.

— Вот это новости, — Лебедев-старший хмыкнул, внимательно глядя на меня такими же серо-зелёными, как у него сына, глазами. — Ты нас прям огорошил, Александр. А что это невеста у тебя такая бледная?

— Стася очень волнуется, — ответил Сашка и притянул меня ближе к себе. — И она весь день не ела. Покормите нас?

Тут отмерла уже мама.

— Да-да, конечно! Заходите! Боже, радость-то какая!.. — она всплеснула руками и с широкой улыбкой поманила нас за собой. — Пойдёмте, покушаем, а вы нам всё расскажете...

— Держись, Стась, — шепнул Сашка, наклоняясь и делая вид, что целует меня в щёку. — Пара часов позора — и мы свободны.

— Угу, — буркнула я, тоже обхватывая его рукой — чтобы не грохнуться с лестницы. — Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого пылесоса...

Лебедев фыркнул мне в висок.

— Всем бы девушкам твоё чувство юмора, Стась.

— Размечтался, — хмыкнула я. — Тогда бы ты вообще никогда не женился.

— Это точно...

11

Только на пути в столовую — да-да, у Сашкиных родителей была столовая в доме — я вспомнила, что его маму зовут Лидия Васильевна, а отца — Алексей Михайлович.

Вовремя я это вспомнила. Было бы неловко переспрашивать у них самих или у Сашки.

Лебедев между тем усадил меня на один из стульев, сел на соседний и подвинул его так, чтобы приобнять меня и практически положить мою голову себе на плечо.

— Расслабься, — шепнул Сашка мне на ухо, и я, вздохнув, обмякла в его руках. Положила ладонь ему на грудь и вдруг поняла, что мне так безумно уютно.

Лебедев чмокнул мои пальцы и обратился к Лидии Васильевне, взвизгивавшей на нас с молчаливым умилением:

— Накормишь?

— Ах, да! Катенька ведь уже ушла! Сейчас, Саш, я всё принесу! — Она вскочила и убежала в соседнее помещение — кухню. Загремела там сразу чем-то. А мы остались наедине с Алексеем Михайловичем.

Я вновь наткнулась на его изучающий взгляд и теснее прижалась к Сашке.

— И как же это мой безалаберный сын уговорил тебя выйти за него замуж, Стася? — спросил Лебедев-старший насмешливо. — Шантажировал, что ли?

— Батя! — возмутился Сашка и хотел что-то ответить, но я и сама знала, что нужно отвечать.

— Нет, Алексей Михайлович. Я люблю его.

Я старалась говорить чётко, твёрдым голосом, и глядя в глаза будущему родственнику. В конце концов, не такое уж это враньё... Я действительно люблю Сашку. Как друга.

— Надо же... — насмешка из взгляда и голоса Лебедева-старшего всё не исчезала. — Такая умная, рассудительная девушка. И знающая моего сына уже... лет девять, да? И вдруг — люблю.

— Да, — я пожала плечами и погладила Сашку по напрягшейся груди, чувствуя, как за тонкой тканью рубашки бьётся сердце. — Я умная и рассудительная. И я люблю вашего сына.

— Батя, — Лебедев всё же не выдержал, — если ты будешь продолжать в том же духе, мы со Стасей уйдём и больше здесь не появимся. Я не позволю тебе оскорблять мою женщину.

Сашка обхватил меня теперь уже двумя руками и практически перетянул к себе на колени. И глядел на собственного отца, гневно сверкая глазами.

— Вот теперь верю, — фыркнул Алексей Михайлович. — А то знаю я тебя, авантюриста. Наплёл что-нибудь девушке...

— Папа! — почти зарычал Сашка.

— Я уже двадцать пять лет «папа». Понял я, понял. О, а вот и Лида с вашим ужином.

Я возликовала. Еда! Меня покормят! Ради еды я, пожалуй, была в ту секунду готова на всё.

Лидия Васильевна поставила перед нами две тарелки с каким-то нечтом, напоминающим лазанью, потом принесла с кухни прохладный лимонад в кувшине.

— Ещё что-нибудь хочешь, Стась? — спросила она, глядя на меня с тем же умилением.

— Нет, спасибо, — ответила я, стараясь не закапать слюной скатерть. — Вполне достаточно. — Отодвинулась от Лебедева и принялась за еду.

Но не успела я съесть даже пару кусочков, как Лидия Васильевна вдруг сказала:

— Как же это замечательно. Ведь я мечтала, что ты станешь нашей невесткой, с тех пор, как впервые тебя увидела, Стась!

Лазанья — или что это было — резко застряла у меня в горле. Я кашлянула, проглотила и удивлённо переспросила:

— Да?

— Да! — жизнерадостно продолжила Лидия Васильевна. — Конечно! Ты такая милая, вежливая, спокойная... То, что нужно Саше! Так что я очень рада за вас обоих. Надеюсь, и внуков вы нам скоро подарите!

Лазанья второй раз застряла у меня в горле, только теперь пришлось отпиваться лимонадом. Сашка деликатно похлопал меня ладонью по спине, ободряюще улыбнулся моим вытаращенным глазам и заметил:

— Не волнуйся, мам. Всему своё время.

Дипломатично...

— Кстати, о времени, — подал голос Алексей Михайлович. — Когда у вас там регистрация брака-то?

Мы назвали число.

— Кошмар! — всплеснула руками Лидия Васильевна. — Так скоро! Саш, и обычный загс, не дворец бракосочетания! И о чём ты только думал?!

— Не о чём, а о ком, — ответил Лебедев невозмутимо, ковыряя вилкой свою лазанью. — О Стасе. Она не любит все эти торжества. И я прошу тебя, мам, не усердствуй. Иначе день свадьбы для неё будет не праздником, а мучением. Я бы не хотел, чтобы наша со Стасей семейная жизнь началась с мучений.

Будь я настоящей невестой, я бы умилилась.

Ох! Но я ведь должна делать вид, что настоящая...

— Спасибо, — сказала я тихо, трогая Сашку за рукав рубашки, и хотела чмокнуть друга в щёку, но он неожиданно повернулся и перехватил мои губы своими. Сжал в ладонях лицо, не давая отодвинуться и углубляя поцелуй.

Мне стало жарко. И оттого, что поцелуй оказался настоящим, и оттого, что целовались мы на виду у Сашкиных родителей. Поэтому, когда Лебедев наконец выпустил мои губы — но саму выпускать не спешил, вновь прижав к себе — мне показалось, что я от смущения сейчас расплаплю пол и провалюсь куда-нибудь в фундамент.

— А покраснела-то как, — фыркнул Алексей Михайлович. — Что же ты, Саш, так невесту свою смущаешь.

— Простите, — сказал Лебедев, но в голосе его звучало что угодно, только не раскаяние. — Не выдержал. Стася держит меня в чёрном теле.

Ой нет. Ну не надо!!!

— Говорит: ни-ни до свадьбы.

Вот гад!

Алексей Михайлович и Лидия Васильевна расхохотались, а я, окончательно смутившись, спрятала запыхавшее лицо на Сашкиной груди.

— Теперь понятно, Лид, чего они в обычный загс пошли, а не во дворец бракосочетания, — продолжая хохотать, заметил Лебедев-старший. — Там же ждать меньше! Дольше месяца сынуля наш не выдержит!

— Как это мило, — умилилась в очередной раз Лидия Васильевна, пока Сашка поглаживал по спине смущённую до предела меня.

Наивная, я тогда думала, что сильнее смущаться невозможно. Как бы не так!

Нет пределов совершенству...

12

Следующие часа два мы с Сашкой и его родителями обсуждали свадьбу. Точнее, обсуждали в основном мой фиктивный жених и его родители, а я только кивала или мотала головой. Но сильнее вмешиваться и не понадобилось: Лебедев стойко отстаивал мои интересы, отменяя предложение за предложением и требование за требованием.

А я начала засыпать у него на груди. Там было так тепло и уютно... И Сашка настолько приятно поглаживал меня по спине...

— По-моему, вам пора.

— Да, я тоже так думаю. Стася вон, уже спит почти.

— Я не сплю, — пробурчала я куда-то в подмышку Лебедева. — Так... чуть-чуть.

— Закажешь такси, пап?

— Да не надо такси. Сейчас попрошу своего шофёра вас отвезти. Вы идите пока в прихожую.

Удаляющиеся тяжёлые шаги, за ними — более лёгкие. И тихий голос Сашки:

— Стась, открывай глазки. Сейчас нас по домам развезут, завтра выходной, выпишься. Пойдём.

Я потянулась, зевнула, открыла глаза — и увидела прямо перед собой улыбающееся лицо Лебедева.

— Нахал ты, — прошептала я, не спеша встать со стула.

— Чего это? — он улыбнулся шире.

— В чёрном теле я его держу...

— А-а-а, ты вот о чём. Смешно получилось. И ты так смутилась, что даже я поверил.

— Гад.

— Ну не сердись, — фыркнул Сашка, встал сам и помог мне подняться. — Это же ерунда, Стась.

— Тебе всё ерунда... — пробурчала я, но этого человека без стыда и совести ничем было не пронять — он только ещё раз фыркнул.

Мы вышли в прихожую — круглый такой холл, практически пустой, если не считать очень красивых резных обувниц, огромного шерстяного ковра и длинной широкой лестницы, ведущей на второй этаж.

— Чувствую себя героем мелодраматического сериала, — пробормотала я, косясь на большую хрустальную люстру под потолком. Кошмар. Если такая упадёт, звон будет колоссальный...

Сашка между тем смотрел куда-то вверх, на второй этаж. И когда там слышались невнятные шаги и голоса, усмехнулся и перевёл взгляд на меня.

— Стась. — Он протянул руку и зачем-то снял с меня очки, положил их на ближайшую обувницу. — Расслабься, ладно?

— Что...

Я не договорила. Сашка сделал шаг вперёд и, положив одну руку мне на талию, а вторую запустив в волосы, привлёк к себе и поцеловал.

Меня в жизни так не целовали. Я не знала, чем дышать, я задыхалась от этой его наигранной страсти — открывала рот, и Сашка врывался в него, терзая мои губы и не давая сделать ни единого вдоха. Он тянул меня за волосы, заставляя опускать голову вниз, а сам нависал сверху, целуя так требовательно, будто на самом деле имел на это право. Вторая же рука ласкала талию, затем перемещалась на ягодицы, сжимала их — и вновь возвращалась на талию.

Голова кружилась, губы и щёки горели, а внизу живота вообще было больно... Я хотела вырваться — трепыхалась в объятиях Лебедева — но он только сильнее прижимал меня к себе и целовал всё глубже...

— Кх-хм, — вдруг раздалось сверху, и я от неожиданности чуть на пол не свалилась. Благо, Сашка подхватил. Посмотрел на меня расфокусированным и каким-то мутным взглядом, поднял голову.

На лестнице стояли Алексей Михайлович и ещё один мужчина. И оба смотрели на нас с большим таким интересом...

— Вот блин, — вырвалось у меня. Я вновь захотела плюхнуться на пол, но мне не дали. Лебедев перехватил меня за талию, опять прижал к себе.

Интересно... вот это твёрдое возле моего бедра — то самое, о чём я думаю?

Нет, не может быть.

— Знакомься, Стася, это Гриша, наш шофёр, — продолжал между тем Алексей Михайлович. Так, будто перед ним только что не разыгрывалась фактически сцена из порнофильма... — Он отвезёт домой сначала тебя, потом Александра. Спокойной ночи... хм... дети.

— Спокойной, — ответили мы хором.

И я впервые подумала о том, что, оказывается, издевательским может быть пожелание не только доброго утра, но и спокойной ночи тоже...

Какая уж тут спокойная ночь?! После таких поцелуев...

13

У Алексея Михайловича давно не было такого весёлого настроения. Он бы даже сказал — шикарного настроения.

Провести Лебедева-старшего всегда было очень сложно, и как бы ни старался в этот вечер его собственный сын, у Сашки так ничего и не вышло.

Алексей Михайлович видел всё, как на ладони: добрая и милая Стася, смущающаяся оттого, что вляпалась в подобную авантюру, и Сашка — наглец без стыда и совести. Уговорил подругу подыграть, чтобы отделаться от надоедливых родителей. И Лебедев-старший непременно разоблачил бы эту парочку, если бы не одно «но»...

Он вдруг заметил, что Сашке доставляет удовольствие обнимать Стасю. И целовать тоже.

Вот она — наглядная иллюстрация к пословице: «Не рой другому яму — сам в неё попадёшь».

И теперь Алексей Михайлович предвкушал интересное и увлекательное развитие событий. Ему было любопытно, в какой момент до его сына дойдёт весь ужас собственного положения и что он будет в связи с этим предпринимать.

А вспомнив, как растерянно, но весьма отчаянно отбивалась от Сашки Стася в холле их дома, Алексей Михайлович понимал: легко Лебедеву-младшему не будет точно.

А жаль, что мы не поехали в такси. Там бы я промыла Сашке мозги по полной программе. Хоть бы предупредил нормально! А то схватил и начал... Как, блин, изнасилование.

Но увы — в машине с нами ехал ещё некий шофёр Гриша, и нам следовало соблюдать всё ту же осторожность, будь она неладна.

Кажется, Лебедева это тоже напрягало. А может, и нет. В любом случае он притянул меня к себе поближе — кажется, я уже начинаю к этому привыкать... — скользнул губами по виску и шепнул в ухо:

— Прости.

Я сразу напряглась. Так. Это за что «прости»? За то, что было? Или за то, что будет?!

Видимо, за всё.

— Вас можно поздравить, Александр Алексеевич?

Кто-кто?! А-а-а, это же Сашка у нас Александр Алексеевич.

— Можно, — друг обнял меня теперь уже обеими руками, почти распластав на себе. Может, закрыть глазки и поспать?.. А то стыдно пипец. — Через месяц стану семейным человеком.

— Это прекрасно, — кажется, шофёр улыбался. — Тогда поздравляю. И примите комплимент невесте. Очень красивая.

Я распахнула глаза и уставилась на затылок шофёра с удивлением. Красивая? Наверное, это он в темноте просто меня не рассмотрел. Я не страшная, конечно, но до красивой мне далеко. Сашка с такими девушками даже близко не встречался, у него все «возлюбленные» были как на подбор — Царевны Лебедева.

— Спасибо, — сказала я, когда отошла от шока.

— Не за что.

Сашка между тем тёрся носом о мой висок, вызывая мурашки по всему телу. Зачем? Вполне достаточно же объятий... Хотя... Может, он и прав? Гриша этот наверняка Алексею Михайловичу обо всём донесёт, а переиграть в нашем случае невозможно.

Да... Видимо, Лебедев тоже так считает. Ещё и живот начал гладить... круговыми движениями... Приятно.

Только неловко до ужаса.

— А куда на свадебное путешествие поедете?

Упс.

Ещё и свадебное путешествие... Как же это я забыла...

— Не думали пока, — Сашкина рука поползла вверх, чуть щекоча мне рёбра, и я улыбнулась. — Не хмурься так, — шепнул он мне на ухо, а потом поцеловал в щёку. — Ты как хочешь, Стась?

Я? Я хочу оказаться дома в своей тёплой кровати, и чтобы всё это был сон.

Вообще всё!

— Я... не знаю. Не думала совсем...

— На море вам надо, — посоветовал шофёр Гриша. — Свадебное путешествие и медовый месяц лучше всего проводить на море.

— Я тоже так думаю, — кивнул Лебедев. — Может, Таиланд...

Я подняла голову и посмотрела на Сашку несчастными глазами. Ещё и свадебное путешествие! Боже, за что?!

Он удивлённо вскинул брови.

— Не хочешь Таиланд? Поедем в Турцию.

Я сделала глаза ещё более несчастными.

— В Египет?

И ещё.

— В Крым?

И ещё немного...

— Стась, мы поедem туда, куда ты захочешь, — твёрдо сказал Сашка, и я чуть не взвыла: да никуда я не хочу! И так стыдно твои деньги тратить, а ты меня ещё отдыхать за свой счёт собираешься!

Но я промолчала. Ну, почти.

— Давай в Карелию поедem.

Шофёр закашлялся, а Лебедев просто очень удивился. Даже перестал меня по животу поглаживать.

— Куда-а-а?

— В Карелию, — кротко продолжила я. — Я люблю Ладожское озеро очень. И Онежское тоже люблю. И песня мне нравится.

— Какая песня? — Сашка удивился ещё больше.

— Про Карелию. «Долго будет Карелия сниться... Будут сниться с этих пор... Остроко-
нечных елей ресницы над голубыми глазами озёр...» Проникновенно так. Поедем?

Лебедев заржал, наклонил голову и ткнулся своим лбом в мой.

— Стаська... — выдохнул он словно бы с восхищением. — Белочка ты моя... карельская...

— Тогда не белочка, а берёзка. Слышал когда-нибудь про карельские берёзы? У меня из такой берёзы вазочка есть маленькая. И шкатулка.

— Слышал, Стась, — Сашка всё ржал. — Поедем туда, если так хочешь. Куда угодно поедem. Только... там не холодно ли в августе?

— А тебя любовь согреет, — буркнула я мстительно, и теперь они ржали уже хором с шофёром.

Пусть и правда будет Карелия. Не так дорого, как какой-нибудь Таиланд... ну и я действительно её люблю.

Главное, чтобы Сашкины родители не подарили нам путёвки добровольно-принудительно. С них станется...

14

Лебедев высадил меня возле подъезда и, как настоящий жених, довёл до квартиры. Я даже на часы смотреть боялась... судя по моему внутреннему часовому механизму, время было далеко за полночь. Очень далеко.

— Завтра приеду к вам часиков в пять вечера, — сказал Сашка почти шёпотом, когда мы остановились возле двери в мою квартиру. — Ты только не трясись так, как сегодня.

Я поморщилась.

— Сильно было заметно, да?

— Не страшно, — отмахнулся Лебедев. — Вполне даже объяснимо. К тому же, ты скромняшка.

Я фыркнула.

— А ты нагляшка.

— Как-как? — развеселился Сашка. — Интересное слово. Нагляшка... надо запомнить.

— Ещё гадяшка.

— Ка-а-ак?

— Гадяшка.

Лебедев опять расхохотался... и вдруг схватил меня в охапку.

— Сашка... здесь зрителей нет, — напомнила ему я, непроизвольно напрягаясь. Чего это он?

— Здесь есть я, — сказал он мне на ухо, потом опустил голову и коснулся губами шеи. — И ты. И ты должна перестать уже вздрагивать от моих прикосновений. Давай, расслабься. Считай это учениями перед боевыми действиями.

— Нагляшка и гадяшка.

— Да-да, я такой, — Лебедев усмехнулся и поцеловал меня в шею. В какое-то до ужаса чувствительное место — я даже чуть всхлипнула. — Что ж ты сладкая-то такая, Стась? Ты мёдом не мажешься, нет?

— Мёдом нет. Вареньем мажусь, — ответила я, пока Сашка втягивал носом воздух возле моей шеи и уха, легко целовал в щёку. — Может... достаточно?

— Почти.

— В смысле?

Вместо ответа Лебедев вновь атаковал мой рот. Иначе я это не могу назвать... Раздвинул губы — властно и почти грубо — и ринулся на завоевание неизведанных территорий. Ласкал так, что у меня даже голова закружилась... и внизу живота затянуло — требовательно и почти невыносимо.

— Перестань, — я оттолкнула его, испугавшись этого чувства. — Натренируешься ещё, Саш. У меня губы уже болят.

— Прости, — он улыбнулся. — Нравится мне тебя дразнить.

— Тебе это всегда нравилось, — я фыркнула. — С самого первого курса.

— Но ты никогда не обижалась, Стась. Другие девушки обижались.

— На что? — я недоуменно сдвинула брови. — Ты же злобно не шутил, не подставлял никого. Мне даже нравилось. Смешно! Только вот сегодня, — я вновь сдвинула брови, но теперь уже угрожающе, — смешно не было.

— Это когда? — Сашка сделал вид, что не понимает. Вот козьявка!

— А в холле твоего дома.

— Ах, ты про это... Ну, тогда и не должно было быть смешно. Не для смеха делалось.

И только я хотела сказать ещё что-нибудь возмущённое, как Лебедев, нагло щёлкнув меня по носу, шепнул «до завтра» — и убежал, топая, как стадо бизонов.

15

Спала я той ночью плохо. Поминутно просыпалась от терзающих тело и душу воспоминаний о том, как Сашка гладил меня по животу, прикасался к щеке, целовал в губы. Что-то глубоко внутри меня требовало продолжения банкета, и я шикала на это «что-то», пытаюсь уснуть.

Природа, мать наша... и физиология. Лебедев, конечно, физически привлекал меня — да какую девушку он мог бы не привлекать с его-то внешностью и обаянием? Наверное, только если эта девушка бревно. Но я не бревно. Просто так получилось — не сложились у меня ни с кем отношения, но бесчувственной я никогда не была. И реагировала и на прикосновения, и на ласки.

Но Сашка — друг. Будет обидно, если из-за обыкновенной физиологии мы потеряем то, что у нас есть. Дружбу. Так что... буду держать себя в руках, а его — на расстоянии. Хотя для него это всё равно не более, чем игра. Очередная интересная авантюра.

Перед Сашкиным приходом мама с папой страшно волновались, я диву на них давалась. Носились по квартире, протирали всё, мыли, переставляли с места на место. С учётом того, что Лебедев у нас дома был и родителей моих знал — удивительно. Как будто статус моего жениха сделал его каким-то особенным, другим, и перед ним теперь надо ковры стелить и туалеты духами брызгать.

Больше всех усердствовала Ленка, но уже в другом смысле. Переодевалась раза три в разные платья, красилась, потом смывала с себя всё и перекрашивалась. Смотрелась в зеркало, кривилась — и по новой.

Я была единственным нормальным человеком в этом дурдоме. Сидела, читала книжку, а за полчаса до Сашкиного прихода надела светло-голубой льняной сарафан, по-простому заколола волосы, чтобы в глаза не лезли, и чуть подкрасилась.

— Ты так будешь?! — завопила размалёванная Ленка, оглядывая меня с ног до головы.

— Почти, — кивнула я. — Ещё туфли осталось нацепить.

— Но... совсем же не празднично!

Ну да. Её красное пышное платье с кучей оборок и боевая раскраска на лице, конечно, лучше. Клоунского носа только не хватает. Тогда будет по-настоящему празднично!

— Мне нравится, — пожала плечами я. — Да и вообще, Лен... Сашка знает меня уже почти десять лет. Сейчас он просто наносит визит вежливости, ну и заодно о свадьбе поговорим. Чего ради наряжаться куклой Барби? С меня и свадьбы хватит.

При слове «свадьба» Ленка оживилась.

— А какое ты платье хочешь?

Я фыркнула.

— Белое. А там посмотрим.

«Главное, чтобы стоило не как целый свадебный самолёт...» — подумала я, и в этот момент в дверь позвонили. Одновременно со звонком в дверь где-то на кухне что-то разбилось. Видимо, мама в пятый раз решила протереть вазочку с конфетами...

— Лен, иди в комнату.

— А можно, я с тобой пойду открывать?!

— Нет, нельзя. Иди.

Под возмущённое сопение сестры я таки вытолкнула её в большую комнату, где мама с папой нервно проверяли, всё ли поставили на стол. Они решили Сашку полноценным обедом накормить. Хотя... судя по количеству наготовленного, там хватит даже на нескольких таких Сашек.

Лебедев за дверью выглядел, в отличие от моих родителей, абсолютно расслабленно. Голубая рубашка — как это он угадал с цветом сарафана? — бежевые брюки, кожаный пояс. Причёска небрежная, руки в карманах.

— Привет, Стаська, — улыбнулся друг, заходя в прихожую. — Отлично выглядишь.

Я хмыкнула. Громко, конечно, сказано, но пусть будет.

— Ты тоже ничего.

Сашка всегда классно выглядел. Даже когда на какой-то Новый год переоделся Дедом Морозом, запутался в собственном костюме и смачно грохнулся, разбив себе нос. Да, даже тогда — с разбитым носом, заляпанной кровью белой бородой и матерящийся, как последний пьяный тракторист, Лебедев классно выглядел. Мужественно и совсем не жалко.

Пока я вспоминала тот случай, Сашка сделал шаг вперёд, одной рукой обнял меня за талию, второй взял окольцованную ладонь, улыбнулся и спросил:

— Ну, пошли?

— Пошли, — кивнула я. Свободной рукой поправила очки и толкнула дверь, ведущую в большую комнату, где нас уже ждали взволнованные родители и размалёванная Ленка.

— Добрый день, — вежливо поздоровался Сашка, подводя меня к накрытому столу. Мне захотелось растянуть губы в глупой улыбке и заявить: «Тётя Ася приехала!», но я сдержалась. То, что родители не очень хорошо понимают мои шутки, я осознала ещё в далёком детстве.

— Добрый, Саша, — ответили они хором, смущаясь, почти как я накануне. Я беспомощно посмотрела на Лебедева, не представляя, как разрядить обстановку.

Сашка всё понял. Улыбнулся ободряюще и с предвкушением, а в следующую секунду плюхнулся передо мной на колени, заставив вздрогнуть, и с придыханием сказал:

— Милая моя Стася, перед лицом твоих несравненных родителей прошу ещё раз подтвердить мне, рабу твоему смиренному, что ты не передумала выходить за меня замуж! Скажи, о любимая, что сделаешь меня счастливейшим человеком на земле!

Интересно, у меня глаз не дёргается?..

Но Лебедев своего добился — родители наконец заулыбались, а Ленка вообще восторженно взвизгнула и хлопнула в ладоши.

— Конечно, сделаю, — ответила я Сашке, секунду поколебалась и добавила: — Любимый.

Он поцеловал мне руку — ту самую, окольцованную, — поднялся с колен и обратился уже к маме с папой:

— А вы, уважаемые Анна Викторовна и Игорь Максимович, отдадите ли мне свою несравненную драгоценность в жёны? Прошу, ответьте согласием, а то я прям тут упаду замертво!

Я не выдержала и фыркнула. Сашка покосился на меня с укоризной — мол, молчи, женщина, не мешай развлекаться.

— Конечно, отдадим, Саш, — ответила мама, а папа просто кивнул. И тут Ленка закричала:

— Нет! Не отдадим, пока не поцелуешь!

Я хотела съязвить, спросив, кого Сашка должен поцеловать, но не успела — Лебедев резко развернул меня лицом к себе и буквально обрушился на мои губы, заставив забыть все на свете слова.

Даже очки запотели...

— Вот! Теперь отдадим! — заключила Ленка. Убью засранку!

Нет. Сначала Сашку убью, потом её!

16

Дальше диалог покатился уже нормально. И Ленка вела себя прилично — ну, если не считать её размалёванного вида, конечно, — и родители не смущались, и Сашка почти не дурачился, отвечал спокойно и честно.

Что жить будем у него, что свадьбу хотим скромную, что он меня всем обеспечит, и если я захочу уйти с работы — пожалуйста...

На этом моменте я даже закашлялась. Конечно, Лебедев это для красного словца сказал, но всё же... Я ведь говорила родителям, как хочу перебраться на внештатный режим, меня останавливало только одно: деньги. Чтобы заработать на внештатном редактировании более-менее приличную сумму, нужно пахать день и ночь. А мне была нужна эта приличная сумма, иначе на ипотеку не накопить.

И как я буду потом оправдываться, почему не уйду от Шульца и продолжаю горбатиться в офисе? Ох...

Хотя и не это наша самая большая с Сашкой проблема. Мы с ним оба, увлечённые своими планами, забыли о планах родителей. Планах на внуков...

И что я буду говорить спустя год? Два? Три?.. Что?!

В общем, к тому моменту, когда Сашка засобирался домой, меня уже вовсю прошибал холодный пот. И Лебедев это почувствовал.

— Я, пожалуй, украду у вас Стаську, — заявил он совершенно внаглую моим родителям, — я на машине сегодня, покатаю её по ночной Москве, развею предсвадебный мандраж. Да, Стась?

Я обречённо кивнула. Понятно, Сашка хочет узнать, что со мной творится. И пусть узнаёт. Успокоить меня сейчас всё равно только он один и может...

Родители даже возражать не пытались. А вот Ленка вдруг брякнула, когда мы уже почти вышли на лестничную площадку:

— Саш, а что ты нашёл в Стасе?

И прозвучало у неё это почему-то совсем не обидно. Совсем не так, как в тот вечер.

И Лебедев ответил легко, совершенно не задумавшись:

— Родственную душу.

Взял меня за руку и вывел из квартиры.

— Ну, и что с тобой такое? — спросил Сашка, когда мы сели в машину. На заднее сиденье. Видимо, так Лебедеву было удобнее разговаривать.

Вечер начинал переходить в ночь, горели фонари, и на улице было приятно, свежо. Совсем не хотелось возвращаться обратно в квартиру... Особенно к Ленке. Замучает же вопросы.

— Я кое-что вспомнила, Саш.

— Что? — спросил друг, взял меня за руку и начал поглаживать ладонь.

Приятно...

— Про беременность.

Сашкин взгляд стал очень удивлённым.

— Про какую такую беременность?

— Обычную. Которую от нас с тобой ждут.

Он фыркнул.

— Ну, от меня вряд ли дождутся. У меня органов таких нет, которые беременеют.

— Саш! Я серьёзно.

— А я, что ли, нет? — возмутился он, и добился своего: я рассмеялась. — Стась, да чего ты переживаешь? Мало ли, кто чего ждёт. Некоторые вон конца света ждут не дождутся. Подумаешь! Скажем, что хотим пожить для себя... — Я охнула от неожиданности: Сашка притянул меня ближе, обнял обеими руками и начал поглаживать по спине. — ... Насладиться друг другом...

— Чего? — переспросила я глупо, пытаюсь удержаться в сознании. Приятно-то как!

— Насладиться друг другом, — продолжил Сашка тихим и проникновенным голосом. — Что ты так удивлённо смотришь, Стась? Ты никогда не наслаждалась другим человеком? Когда хочется быть вместе, наедине, смотреть, слушать, ласкать... погружаться в нежное тело...

— Погружаться это не про меня, — старательно съязвила я, чуть вздрагивая от прикосновений Лебедева к своей спине. — Я не подводная лодка.

Сашка засмеялся.

— Да, это верно. Но мысль ты уловила. Ничего в этом нет такого страшного, Стась. В желании пожить для себя хотя бы пару лет.

Лебедев вдруг поднял руку и вытащил из моих волос заколку, которая закрепляла их на затылке, чтобы не мешались. Я даже охнуть не успела, как оказалась с распущенными волосами, а Сашка, отложив заколку на сиденье рядом с нами, запустил в них всю пятерню.

— Ты что делаешь?

— Расслабься, Стась, — ответил он непринуждённо, и я сразу напряглась.

— Каждый раз, когда ты так говоришь, происходит что-то неожиданное.

Лебедев хмыкнул и запустил ладонь глубже. Обхватил мой затылок и начал его массировать.

— Ничего такого, Стась. Мне просто показалось, что ты уже устала ходить с этой причёской.

Я не ответила. Сашка так приятно разминал мне затылок и шею, что я почти растеклась по сиденью лужицей.

— М-м-м... — простонала я, закатывая глаза, и слышала его смешок возле своего уха.

— Шея и плечи — эпицентр твоего напряжения, Стась. Я всегда замечал, как ты их напрягаешь. Расслабься.

Тёплые губы коснулись щеки.

— Поедем ко мне. Сегодня у меня переночуешь, — шепнул Лебедев, и я от неожиданности распахнула глаза.

— Что?! Саш...

— Не спорь, женщина, — в его голосе прорезалось раздражение. — У меня ты хотя бы выплывешь и точно проснёшься без зелёнки под носом.

— А как же легенда про «держит в чёрном теле»? — возмутилась я. — Как ты её потом собираешься поддерживать?!

— На словах, — пожал плечами Сашка. — Проверить-то всё равно невозможно. Переночевать и переспать вещи разные.

— Да уж.

— Только родителей предупреди, чтобы не волновались.

Я вспыхнула. Прелестно! Представляю, как это будет выглядеть с их стороны.

— Стася! Прекрати ты так напрягаться. А то, клянусь, я тебя зацелую, — со смешком заявил Сашка, чуть сжимая ладони на моих вновь ставших каменными плечах.

— Не надо! Я всё поняла и осознала.

— Отлично. Тогда поехали.

17

— А знаешь, зачем ещё я тебя к себе позвал? — сказал Сашка, когда мы подходили к двери в его квартиру. Я покачала головой и посмотрела на друга с подозрением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.